

Ольга

Марликова

«В СКИТАНЬЯХ ДАЛЬНИХ СЕРДЦЕМ НЕ ОСТЫНЬ...»

К 140-летию Георгия Гребенищикова

Двадцать третьего сентября 2022 года в краеведческом музее г. Шемонаихи ВКО прошли очередные XXIX Гребенищикоўские чтения. Организованные в 1992 году директором музея Н. Р. Бем (ныне живёт в Германии) по инициативе журналиста районной газеты «Ленинское знамя» М. Н. Абзалимовой, чтения стали традиционными и приобрели международный статус. Они объединили единомышленников, целью которых было возвращение имени писателя Георгия Дмитриевича Гребенищикова на Родину и популяризация его наследия. На сегодняшний день, думается, нет в области культурного мероприятия, имеющего столь долгую жизнь! Меняются времена, коллектив музея, а чтения проходят и имеют неизменный успех! Потому что всё, что происходит в этом музее под руководством Н. Г. Дубинчик, пропущено сквозь сердце энтузиастов-краеведов, а, как говорил Г. Д. Гребенищиков, «...без участия сердца ничего путного выйти не может».

Традиционные чтения этого года, приуроченные к юбилейной дате – 140-летию писателя-эмигранта, – ознаменованы долгожданым и радостным событием: открытием памятника Г. Д. Гребенищикову на Родине. Это значимое и волнующее событие в жизни не только Шемонаихинского района и нашей области, но, думается, и всего Казахстана. Наконец-то имя соотечественника, всемирно известного писателя, философа, видного общественного деятеля, педагога, одного из лидеров русской эмиграции Г. Д. Гребенищикова увековечено на родной земле!

И это справедливо! Его заслуги перед Отечеством действительно безмерны. Ведь именно Георгий Гребенищиков вывел тему Алтая, нашего края, далеко за пределы Казахстана и России: в Европу и за океан. Именно он, по сути, открыл миру людей, живущих на этой земле! И там, на чужбине, он неустанно защищал доброе имя своей родины и её народа путем сотен лекций, статей и книг на разных языках. И пусть большинство книг Г. Д. Гребенищикова написаны на чужбине, в каждой строке – светлый образ Отчизны, сыновья любовь и верность своему народу, боль и тревога за его будущее. «Так вот вышло... со мной. Ушел от народа своего в далекие края, а живу мечтой

о его же лучшем будущем. Потому что от него, от его лучшего бытия унес свечечку святого огонька, унес надежду о великом будущем великого народа...» Не потому ли как заклинание звучат его слова: «Когда я думаю о Родине, то мои мысли о ней складываются как псалом!»

Осуществить общую давнюю мечту земляков и почитателей таланта Г. Д. Гребенщикова установить памятник выдающемуся соотечественнику на Родине удалось инициаторам проекта – бывшему руководству Шемонаихинского района и города А. Ж. Тохтарову и М. Е. Желдыбаеву, а также нынешним акимам района и города Г. И. Акулову и Е. В. Драчеву, скульптору И. В. Гайсину, директору Шемонаихинского краеведческого музея Н. Г. Дубинчик, журналистам и писателям района. Это благородное дело послужит тому, чтобы последующие поколения знали о наших людях, ценили, уважали, гордились ими, стремились быть похожими на них и с оптимизмом смотрели в будущее!

Но как же в этом сложном мире «научиться оптимизму», поверить в то, «что первое несметное богатство и лекарство от всех болезней, от духовных и физических – есть Радость Бытия»? Прочтите книгу Георгия Дмитриевича Гребенщикова «Гонец. Письма с Помперага», и вы найдете множество ответов на вечные вопросы.

Волею судеб оказавшись в эмиграции, прожив 40 лет в США, наш соотечественник мечтал вернуться на Родину «понятым как должно», чтобы вместе с новыми и сильными людьми «строить будущее».

Судьба забросила его далеко от родных берегов: сначала в Турцию, потом во Францию, Германию, затем в США, где он прожил до конца своих дней, безмерно тоскуя по милым сердцу родным краям и живя надеждой вернуться. Но родина останется для него лишь в воспоминаниях «как сладкий сон, как обрывок сказки, как ласка матери...»

По семейной легенде, отец Г. Гребенщикова, Дмитрий Лукич, был потомком калмыка. «С самого детства его травили, били, называли нехристью, – пишет Гребенщиков в книге “Гонец. Письма с Помперага”. – Когда-то прадед его будто бы был одним из Алтайских ханов, а дед был похищен русскими вместе с табуном лошадей и маленьким был взят в рабство. Вот почему и отец мой никогда не мог выбиться из нужды и рабского ярма шахтера. Он работал в шахте, работал на своей пашне; работал на поденщине у мужиков. Полубосой, в мороз и в дождь, пеший безлошадник, он всю свою молодость провел в дырявой одежонке. И всё-таки никогда и никому не жаловался на судьбу».

Самым прекрасным и святым видением для Гребенщикова была мать – Елена Петровна, «мечтательница и богомолица». Она была дочерью бедной вдовы из поселка Убинского. Нежная, хрупкая, «мало пригодная к тяжелому труду», она была неподходящей парой «удалому, выносливому и загрубевшему в работниках и в шахте отцу... А в нищете, в вечном труде, в чужих людях, всегда полуголодные, скоро обремененные детьми, родители... быстро отравляют свою жизнь вечными ссорами, покорами, слезами...» – вспоминал Гребенщиков.

Часто в его памяти, словно живые, проносились образы далекого детства, «вой вьюги за замерзшими окошками, плач в одинокой избе малых ребят. Плач не от голода, а от глубокой, недетской тоски. Вернется ли живым из шахты отец?.. Ведь

девять верст пешком – в субботу домой, а в понедельник из дома. И где, почему до темноты не вернулась мать, ушедшая с утра к чужим людям на работу? Не занесло ли, не похоронило ли ее снегом?..»

Но сквозь беспроблемную нищету проблескивали в его воспоминаниях и лучики радости: «не всё же были беды и тревоги...» В автобиографической повести «Егоркина Жизнь», вышедшей после смерти писателя в США, вспоминалось ему особенное тихое весеннее утро, когда мать в «Егорьев день» несла его двухлетним в церковь для причастия. «Кажется, Егорка и сам помнит и никогда не забудет всё, что впервые увидели его глаза в то утро. Прошло это как сон, а не бесследно, и этот сон уж не могли затмить никакие затемнения позднейших дней и лет, ни голод, ни обиды, ни слезы детские». Запомнилась Егорке большая, светлая, в ярких цветах шаль матери, что пахла воском «и еще чем-то пряным». И «первая, неведомая, неосмысленная радость» от как будто впервые увиденного вокруг: неба, «но не наверху, а внизу, под ногами матери», отражающегося в весенней луже, «через которую она переходила по доскам и камешкам». Она шла, будто скользя, «между синими небесами, ни к одному не прикасаясь». «Запомнили глаза Егорки, что мать тогда пошатнулась на шаткой доске... и вскрикнула: “Ой, ой!...” И хотя в голосе матери вместо испуга была шуточная, молодая бодрость, всё-таки ребенок еще крепче обхватил ручонками шею матери и близко-близко заглянул в её повеселевшие глаза... Как хорошо, что это так случилось!.. Он увидел и навсегда запомнил, что в глазах матери была твердыня безопасности и одна ласка, одна незыблемая любовь».

Никогда потом Георгий Дмитриевич не забудет и слов матери, «когда она ... мечтала вслух:

– Вот выучу тебя – хоть ты будешь у меня человеком... Учись, учись мой сын... – и голос ее делался твердым и уверенным, когда она внушала мне тогда, девятилетнему парнишке: – Ты должен быть как Ломоносов, либо как Кулибин!»

Однако прямо с экзамена за четвёртый класс отец отправил его с артелью на лесозаготовки в верховья Убы. Всю жизнь потом Гребенщиков будет усиленно заниматься самообразованием, и пророческие слова матери помогут ему достичь больших высот. Трудно себе представить, что тот же самый Егорка через много лет станет известным писателем и профессором Южно-Флоридского колледжа. Всё это, действительно, звучит как сказка, но это было...

Пока же Егорку мать благословляет «в люди». «Это был тайный заговор против отца»: Егор отправляется с отцом в Семипалатинск с тем, чтобы, убежав от него, устроиться в городе – «сперва каким-либо сподручным, хотя бы пол подметать, в лавочке купцу прислуживать». Мать твердо верила, «что там, за гранью деревенской тошноты, свершится какое-нибудь чудо», и ее сын увидит иной мир.

«В людях» Егору довелось пройти великую школу жизни: был учеником у мастера штемпельных дел, потом мыл посуду на заводе фруктовых и шипучих вод, работал помощником в аптеке, санитаром в больнице. «Здоров я был на удивление, – вспоминал Гребенщиков. – Меня запрут с рожистыми, или с сибирской язвой, или с пятнистым тифом, я хоть бы подумал об опасности. Теперь я с ужасом думаю, что триста раз мог заразиться и умереть. Приходилось мне резать трупы – помогать при вскрытиях... Тогда я очень верил в Бога, в бессмертие души, и вид изрезанного человеческого тела оскорблял меня. Не выдержал я больничной обстановки. Год пробыл в больнице и уехал домой».

А дома юношу впрягли в крестьянскую работу. Но не по сердцу была она Георгию, и скоро отец отвёз сына в Шемонаиху на службу к лесничему. Здесь-то у лесничего Георгий «впервые увидел хорошие книги. Отсюда и пошло расти то любопытство к жизни, к природе, к литературе, которое в следующие десять лет сделало из меня начинающего писателя».

Служба продолжалась до поры, пока Егора не выиграл в карты исправник из Змеева (*Змеиногорска. – Прим. О. Т.*). В Змеево Егор служит писарем в полиции а месяца через три возвращается в Шемонаиху и становится писарем у мирового судьи Петра Евстафьевича Цвилинского, которого впоследствии назовет своим первым учителем и воспитателем. Год, проведенный у мирового судьи, был равным курсу хорошей школы, «тренировки и испытания юной души». Но главным было то, что писарство у Цвилинского, по существу, явилось первой литературной практикой, руководимой жизнью. «Проработал я у него четыре года и, когда он стал уже присяжным поверенным, я придумался о дальнейшем», – читаем в дневниковых записях Гребенщикова.

Неожиданно юноша получил приглашение от нотариуса из Семипалатинска – Н. П. Щербакова. В 1902 году он переехал в Семипалатинск, устроился на работу старшим письмоводителем с приличным окладом, женился на учительнице Людмиле Николаевне Степановой, купил землю в 45 верстах от города, обзавелся хозяйством.

Служба у нотариуса была для будущего писателя поистине «университетом»: «...здесь я увидел много людей, работал над собой. Если у мирового судьи я сталкивался с тысячами мужиков и пестрых людей, то у нотариуса я стал лицом к лицу с городским населением, выслушивал их секреты, отношения, интересы. Здесь я уже много писал по ночам».

Первые публикации начинающего писателя: короткие рассказы, стихи, очерки на бытовые темы – вышли в 1905 году в газете «Семипалатинский листок». В следующем, 1906 году он издал небольшую книгу рассказов «Отголоски Сибирских окраин». Вероятно, в то же время он работает над первой известной нам пьесой «Джаксы джигит» («Добрый молодец»), которая предназначалась для постановки на самодеятельных сценах. В настоящее время эта пьеса не обозначена ни в одном библиографическом справочнике писателя, поэтому здесь хотелось бы немного отступить от повествования о жизни писателя и рассказать об обстоятельствах находки этой пьесы.

До сей поры была известна всего лишь одна из пьес Г. Д. Гребенщикова – «Сын народа». Пьеса «Киргиз» является переводом с польского поэмы Густава Зелинского. Кстати, последняя переиздавалась в Польше 20 раз и переведена на английский, французский, итальянский языки. Остальные, к сожалению, знакомы только по названиям: «Тьма», «Некошной», «Из песни слово», «Микула Селянинович», «Прерванный псалом» («Любушка»), «Шестиугольная юрта».

Всё началось с нескольких скупых строчек Краткой энциклопедии Казахской ССР (Алматы, 1991, том 4, статья «Театр»): «Революция 1905–07 годов в России вызвала подъем духовной жизни Казахстана. Г. Гребенщиков написал пьесу “Славный джигит” (1907), положив в основу сюжета быт казахского народа...» Эти строки «обнаружил» в 2002 году бывший директор нашего музея А. В. Михалевский. Помню, как, обычно сдержанный, он не мог скрыть в тот момент радость от своей «находки».

Однако попытки «гребенщиковцев» узнать что-либо у составителей энциклопедии, отыскать пьесу в театральном музее им. А. А. Бахрушина (Москва), Российской государственной библиотеке, Государственном литературном архиве России, библиотеках и архивах Барнаула, Усть-Каменогорска, Санкт-Петербурга, Омска, Новосибирска, Семипалатинска, Музее Н. К. Рериха в Нью-Йорке оказались безрезультатны. Безуспешной была и поездка Александра Борисовича Фирсова – собирателя, исследователя и пропагандиста творческого наследия Гребенщикова в село Кольванское (на Алтае), где Гребенщиков некогда хранил свой архив.

Порой возникало сомнение: да существовала ли пьеса «Джаксы джигит» вообще? И вот в 2004 году, разговаривая со знатоком Семиречья и Восточного Казахстана писателем А. Г. Лухтановым, я коснулась упомянутой пьесы.

– Ольга Михайловна, – заметил писатель, – как-то, работая с фондом А. Н. Белослюдова в Центральной научной библиотеке Алматы, я обратил внимание на пьесу Гребенщикова с необычным названием.

– Какую? – с замиранием сердца, спрашиваю я. – Может быть, «Сын народа»?

– Нет! Название пьесы другое, непривычное...

– «Джаксы джигит»?

– Да, да! Именно так она и называлась: «Джаксы джигит!» – утвердительно сказал Александр Григорьевич.

Благодарю Александра Григорьевича за подсказку. Подтверждение из библиотеки Алматы: «Есть такая пьеса Г. Д. Гребенщикова». Итак, найдено еще одно произведение Гребенщикова!

Решаю некоторые технические и дипломатические вопросы, и пьеса, на поиски которой было потрачено два года, – на родине автора. По Интернету в одночасье рассылаю весть о находке членам «Общества возрождения истории литературы Сибири», живущим в Москве, Санкт-Петербурге, Барнауле, Боровом, Усть-Каменогорске, Красноярске, Томске, Новосибирске, пытающимся объединенными усилиями восстановить биографию Гребенщикова и собрать воедино его литературное наследие. Все в нетерпении. «От вашей новости, Ольга Михайловна, просто ошалел! – пишет Фирсов. – Это сенсация!»

Что же представляет собой заветная «находка» в 25 страниц, перетянутых шпагатом и, кажется, еще хранящая дыхание времени? Отпечатана пьеса, видимо, крохотным тиражом на гектографе. Старорусский шрифт. В тексте рукописные правки автора. На титульном листе:

«ДЖАКСЫ ДЖИГИТ» (Добрый молодец)

Пьеса в 4-х картинах Сибиряка Георгия Гребенщикова.

*Посвящаю Прииртышскому населению киргиз
для представления на русском и киргизском языках.*

Здесь же – автограф Г. Д. Гребенщикова:

«Лучшему из моих друзей Алексею Николаевичу Белослюдову.

Автор. 20 августа 1908 г. Г. Семипалатинск».

Пьеса, по тексту энциклопедии, датирована 1907 годом, вероятно, она первая из написанных Гребенщиковым. Содержание ее отвечает духу времени. Писатель-

гуманист и самоучка заботится в свои 23 года о просвещении казахского народа, находя образование жизненно необходимым.

Какова же история написания пьесы? Была ли она поставлена, где, кем и когда? Над этими вопросами еще придется поработать исследователям творчества Г. Д. Гребенщикова.

В это время в 1907 году Георгий Дмитриевич переезжает в Усть-Каменогорск и работает служащим, а затем управляющим золотого прииска «Удалый», что был открыт горнопромышленником Часовниковым на левом берегу Иртыша близ Семитавских гор. Несколько строк об этом периоде жизни писателя мы можем прочесть в рукописи его книги «Моя Сибирь», написанной в эмиграции и не увидевшей свет при его жизни. В книге говорится, как «бывший нищий мальчик стал богатым и цветущим юношей». И в горах Алтая он появляется как управляющий золотыми приисками одной из крупных компаний... «В это время, – вспоминал Гребенщиков, – в городе Усть-Каменогорске один из самых лучших домов был моей квартирой. Кроме двух троек для разъездов по приискам, у меня был чистокровный вороной рысак и иноходец – для разъездов в городе. В рабочем кабинете у меня был нестораемый шкаф, и откуда-то появилось привычное небрежное умение считать рубли на тысячи. В то время, и в особенности в 1907 году, с прогремевшей славой рудника “Удалого” на Южном Алтае, по левую сторону течения Иртыша, была особенная золотая лихорадка...»

В Усть-Каменогорске Гребенщиков общался с образованными людьми. Был хорошо знаком с политическим ссыльным, краеведом, ученым Евгением Петровичем Михаэлисом, его дочерью Людмилой Евгеньевной Хотимской, известным усть-каменогорским садоводом Дмитрием Гордеевичем Панкратьевым, братьями Зобниными, семейством Белослюдовых, с политическим ссыльным, одним из изобретателей рамочного пчеловодства Александром Николаевичем Федоровым.

Каким же был Георгий Дмитриевич по рассказам тех, кто хорошо его знал? Об этом прочтем в дневнике дочери Дмитрия Гордеевича Панкратьева – Елены Дмитриевны. Ее дневник 1964 года хранится в Государственном архиве ВКО. По свидетельству Панкратьевой, Гребенщиков в нашем городе был дружен с почтовотелеграфным служащим Михаилом Андреевичем Дегтяревым. По воспоминаниям Дегтярева – их записала Елена Дмитриевна в своем дневнике – Гребенщиков был невысокого роста, сухощавым, подвижным, смуглолицым, темноволосым человеком. Часто захаживал в почтовое отделение, «что-то отправлял, получал, посылал... Он, после первых же посещений почты, стал держаться с Дегтяревым как знакомый, – пишет Елена Дмитриевна. – Заходя, приветливо здоровался и часто за руку, заводя сразу разговор на общие темы, шутил, смеялся. В общем, держался он очень просто, был общительным, веселым, даже, можно сказать, жизнерадостным».

Работая на золотых приисках Усть-Каменогорского уезда, Гребенщиков «пережил много внутренней борьбы. Я вынужден был, волей-неволей, стоять над рабочими и угнетать их. К тому же у меня умерли девочка трех лет и мальчик около года. Это меня надломило. Когда рассорились мои хозяева, я ушел с приисков совсем и поехал в Москву, а оттуда за границу. В Монте-Карло мой приятель проиграл мои деньги, и осенью 1907 года я голым пролетарием приехал в Питер пытаться счастья в литературе», – пишет он в дневниковых записях.

В результате поездки в Санкт-Петербург Гребенщиков становится известен столичному читателю, публикуя в «Биржевых ведомостях» очерки о Сибири,

проводит написанную еще в Семипалатинске пьесу «Сын народа» через цензуру и в конце 1907 года возвращается в Усть-Каменогорск. Уже тогда, по воспоминаниям Панкратьевой, начинающий писатель снискал славу «усть-каменогорского Льва Толстого». «Успехом она (пьеса. – Прим. О. Т.) пользовалась среди местной интеллигенции большим, – вспоминает Елена Дмитриевна. – И ее (Гориковой В. А. – Прим. О. Т.) друзья, ...ходили на спектакли и давали восхищенные отзывы о творчестве Гребенщикова, называя его “вторым Толстым”».

Во время представления пьесы «Сын народа» в зале присутствовал «эстет высокого сорта», как называл этого человека Гребенщиков, «интеллигент в настоящем смысле слова» – Александр Касперович Голимонт, который содействовал переезду молодого писателя в Омск, где пьеса с успехом прошла в большом городском театре, и автор стал редактором газеты «Омское слово».

Осенью 1909 года Гребенщиков был приглашен в Томск на должность секретаря журнала «Молодая Сибирь». Но уже скоро он возглавил журнал «Сибирская новь». Оказавшись в окружении маститых литераторов Сибири, Гребенщиков, зная, что ему предстоит еще много учиться, по совету патриарха сибирской интеллигенции, исследователя Центральной Азии и Сибири Григория Николаевича Потанина, поступает вольнослушателем в Томский университет на юридический факультет. Сохранилась переписка Гребенщикова и Потанина, свидетельствующая о дружбе «Большого сибирского дедушки» и «Малого сибиряка», как называли их современники.

В том же 1909 году Георгий Дмитриевич предпринимает повторную поездку в Петербург по делам издания своих сочинений. Поездка оказалась для начинающего писателя весьма плодотворной. Возвращаясь домой, Гребенщиков отважился завернуть к Л. Н. Толстому в Ясную Поляну, чтобы покаяться в своих «литературных прегрешениях».

Девятнадцатого марта в жизни Гребенщикова произошло замечательное событие – памятная встреча с Л. Н. Толстым. Эта поездка была необходима начинающему писателю. Испытывая сомнения в собственных силах от недостаточной образованности, устав от нападков «баловней судьбы» – образованных литераторов, и одновременно ощущая в себе жажду к действию, он должен был получить благословение великого Толстого или навсегда «вернуться к сохе». Несмотря на то, что Лев Николаевич был болен, Георгию Дмитриевичу удалось-таки встретиться с ним и получить благословение на писательство, вспоминал Гребенщиков в очерке «У Льва Толстого». А Лев Толстой в своем дневнике 20 марта 1909 года сделал короткую запись о встрече с Гребенщиковым, назвав его «интеллигентом-калмыком, литератором, возвращающимся к земле». Много лет спустя, живя в эмиграции, Георгий Дмитриевич в письме к П. Н. Краснову (*российский военачальник, генерал от кавалерии (1918), писатель, один из руководителей антибольшевистского движения в годы гражданской войны.* – Прим. О. Т.) отмечал, что его сибирские рассказы – это «эпос, но сибирский, где мужик обрисован как настоящий законченный человек». «Писатель Муйжель, псковитянин, как-то мне писал, – вспоминал Гребенщиков, – что в русской литературе никто до меня не описывал мужика с таким достоинством, а все как-то свысока, и язык его непременно уснащался дразнящей манерой. Мужик у всех был либо пьян, либо забавен, либо жалок. У меня он – Чураевы».

Весной следующего года Георгий Гребенщиков отправляется на Алтай для изучения крестьян с целью «этнографических и бытовых наблюдений». Резуль-

татом исследований явился замечательный литературно-этнографический очерк «Река Уба и убинские люди», вышедший в 1912 году в «Алтайском сборнике» в Барнауле, а также очерки из серии «Крестьянские этюды»: «На Убе», «Среди крестьянских девушек», опубликованные в газетах «Сибирское Слово» (1910) и «Сибирская жизнь» (1911).

Кроме того, в начале 1911 года Гребенщиков разъезжает по городам Сибири с лекциями о старообрядцах Алтая, сделал о них предварительно доклад в ученом обществе. В иркутской газете «Сибирь» 17 и 20 февраля сообщается о лекциях Гребенщикова: «Убинские староверы на Алтае» и «Народная песня в Сибири».

В этом же году он отправляет Горькому некоторые из последних сочинений, в том числе повесть «В полях». Горький отвечает: «Рукопись послал редактору “Современника” В. С. Миролубову, а рассказы готов издать отдельной книжкой, хотя советовал бы обождать с год. Миролубов рассказы принял».

Это было накануне следующего путешествия на Алтай, куда в 1911 году по поручению Томского общества изучения Сибири Георгий Дмитриевич отправляется для изучения старообрядческого населения Бухтарминского края. «Весною 1911 года мы вместе с ним (*Г. Н. Потаниным. – Прим. О. Т.*) выехали на Алтай... Он ехал на северный Алтай, в Анос, где живут остатки племени алтайцев – шаманистов, а меня “командировал” в юго-восточную часть Алтая, в Бухтарминский край, куда я и отправился на целый год», – пишет Гребенщиков в историко-этнографическом очерке «Алтайская Русь», опубликованном в «Алтайском альманахе» в 1914 году. Но нельзя думать, что это путешествие, впрочем, как и предыдущее, было предпринято лишь для «этнографических и бытовых наблюдений».

«Я не могу не идти в народ, раз эта среда – моя почва, в которой находятся корни моих тела и души», – писал Гребенщиков в декабре 1911 года исследователю Степного края, другу А. Н. Белослюдову. Своими впечатлениями от путешествия Гребенщиков делится с А. М. Горьким. 20 июня в письме из Катон-Карагая он пишет: «Поселился я на краю света, как раз в трех десятках верст от китайской границы, в глухом горном уголке, у подножия альпийских гор, в д. Согорной. Здесь самые “ясашные”, искавшие когда-то “Беловодье”, и живут... Ох, какой это любопытный народ... Во-первых, мы с женой вот уже целую неделю подвержены всяческому любопытству, как невиданные звери. Ни посуды, ни пищи, ничего нам не дают, потому, что мы “еретики”, и смотрят на нас, как на громадных чудаков, все подвергают строгой критике и осмеянию... Вот верхом подъехал мужчина... Боже мой, да это сказочный витязь... Что за осанка, взгляд, борода черная по пояс... Костюм... Непременно сфотографирую и Вам пришлю несколько портретов... Вот баба толстая с хитро смеющимся лицом косится на меня через окно: “Пишешь?” – “Пишу...”. Хлопает руками по толстым ляжкам... Мальчуган с грязной, сияющей рожой лезет в окно. “Тебе чего надо?” – “А!” – “Чего лезешь?” – “Ничего-о... Хы-ы”, – продолжает лезть в окно, прямо к столу... Молодец!.. Это, конечно, дикари, но дикари, не знавшие рабства, ах, как это интересно и оригинально для России. 20 июня 1911 года, Катон-Карагай на Алтае».

Путешествия на Алтай обогатили Гребенщикова темами, «которые, – как он пишет Белослюдову из деревни Хайрюзовка 27 декабря 1911 года, – дадут мне много творческой жизни». «Его “Алтайская Русь” (одноименное название лекции) имела небывалый успех. Рассказывают, накануне Первой мировой войны лекцию

приходили слушать даже архиереи и генералы», – писал П. Дымов в статье «Янки поневоле».

А. М. Горький заметил талант начинающего писателя и всячески поощрял его на творчество, советуя, однако, «учиться до смерти»: «Я очень рекомендую вам: изучайте русскую литературу, это вам поможет».

Представляя рассказы Гребенщикова для журнала «Современник», Горький советовал В. С. Миролюбову: «Обратите внимание на рассказы Гребенщикова. Автор – сын алтайского калмыка и донской казачки, молодой парень, самоучка, ныне постоянный и видный сотрудник “Сибирской жизни”. Рассказы, помещенные в этой газете, очень хороши». В ноябре 1912 года Горький пишет редактору «Современника» Е. А. Ляцкому: «А Гребенщиков начинает писать всё лучше и лучше! Добрый путь!».

В 1916 году в «Ежемесячном журнале» литературный критик В. Львов-Рогачевский писал о новой струе в российской литературе, которую привнесли писатели из крестьян: С. Клычков, С. Есенин, А. Чапыгин, Г. Гребенщиков, – которого ревнивые патриоты Сибири зовут «Сибирским Горьким».

Находясь в экспедиции по Бухтарминскому краю, Гребенщиков получил предложение возглавить барнаульскую газету «Жизнь Алтая». Здесь он спланирует вокруг газеты талантливых литераторов Сибири: И. Тачалова, А. Пиотровского, П. Драверга, П. Казанского, Л. Шумиловского и других.

А уже через год Гребенщиков налаживает выпуск «Алтайского альманаха», являющегося приложением к газете «Жизнь Алтая», печатавшегося в Петербурге. По поводу подготовки к выпуску «Алтайского альманаха» 22 апреля 1913 года он пишет Горькому из Барнаула: «Готовится у нас к изданию Алтайская книжка... Материал собран, и книжка должна быть чистенькая, кое-какое представление можно будет составить о нашем Алтае».

Приходится удивляться, с каким упорством и энергией наш земляк пробивал себе дорогу в большую литературу, как много творческих планов сумел осуществить за 1910–1914 годы. В Петрограде выходит первый том его рассказов и повестей «В просторах Сибири» и привлекает внимание литераторов и критиков Петербурга. Е. А. Ляцкий в письме к Горькому отмечает, что из Гребенщикова «выйдет крупная литературная величина. Как человек, он умен, застенчив и пологителен...»

Вячеслав Шишков, назвавший Гребенщикова «лучшим сибирским писателем», по поводу выхода I тома книги «В просторах Сибири» в 1913 году в письме к Анучину писал: «Он любит Сибирь тихой влюбленностью, с оттенком грусти, с затаенными, едва уловимыми слезами, которые иной раз явственно сказываются. Он любит и по-особому чувствует дикую красоту и мощь Алтая, любит киргизские степи с вольной жизнью их обитателя – киргиза. Он внушает эту любовь и читателю, заряжает своим настроением... он умеет создать... правдивую картину жизни».

В 1915 году в петроградском издательстве «Товарищества писателей» выходит II том рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири». «Праздником сибирской литературы» назвал выход этой книги В. И. Анучин, автора – «бытописателем этого смутного времени».

В сибирский же период Гребенщиков начинает писать самое значительное свое творение – «роман-хронику одной старообрядческой семьи» «Чураевы».

Замысел восходит, вероятно, еще ко времени путешествий Гребенщикова по Алтаю. В письме к Белослюдову от 27 декабря 1911 года из деревни Хайрюзовки он сообщает, что его «скитания и нужда – даром не пропадут... Я хочу... доказать, что напишу роман...» И даже война 1916 года не помешала Гребенщикову осуществить задуманное. Несмотря на слабое здоровье, признанный негодным к строевой, наш земляк отправился добровольцем на фронт в качестве санитар-структора и военного корреспондента «Русских ведомостей». Сначала он служил в окопных банях, где мыл солдат, а потом боролся с тифом среди престарелых беженцев-евреев из Тернополя.

В письме Г. Н. Потанину из действующей армии 25 июля 1916 года Гребенщиков сообщает: «Работа меня захватила, я пишу с увлечением... Надеюсь, что если удастся окончить работу – она будет первой серьезной и зрелой моей работою. Но вот беда: над головою часто носятся аэропланы, а поблизости еще более опасные враги – невидимые глазом миазмы болезней... Ужасно будет обидно умереть, не написавши серьезной вещи...».

Пятого февраля 1916 года Георгий Дмитриевич едет в Москву и, под эгидой Главного Комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, организует и возглавляет 28-й Сибирский санитарно-транспортный отряд имени служащих Томской железной дороги. Вместе с отрядом Гребенщиков едет на Двинский фронт, а затем с 59-й пехотной дивизией, в состав которой поступил санитарный поезд, отправился в Карпаты, где воевал до апреля 1917 года.

30 ноября 1916 года Гребенщиков с солдатом-курьером отправил Горькому рукопись второй части романа. В сопроводительном письме читаем: «Как ни тяжело мне было – всё-таки сдержал слово, кончил вторую часть, которую в третий раз переписывал ночами... Плохо ли, сносно ли написал ее – судите сами. Только Вам я посылаю ее, и жду Вашего суда с этим же курьером».

В очерках военной поры: «Наши будни», «Охвостье», «Братская могила», «Весенний мотив» – Гребенщиков размышляет о войне как чудовищном, противоестественном событии: «...С прискорбием ищу ответа на вопрос: “Есть ли в войне хоть маленькая доля поэзии?” Нет, в ней все грубо, оскорбительно, цинично, – рассуждаю я в ответ, – и если есть поэзия, то не в войне, а в самой жизни, которой даже и война не в состоянии раздавить своей кровавой, страшной колесницей». В рассказе «Деталь», где подробно описываются нечеловечески тяжелые будни «перевязочного отряда», в лирическом отступлении Гребенщиков восклицает: «И все эти живые, серые, движущиеся картины на фоне грязной, холодной и разрушительной природы притупляют чувства, нервы, слух... О, как больно, как остро вонзилась в душу тоска!.. Я хочу осмыслить, охватить бессмысленное и непостижимое, но мои мысли разбиваются... все приближающейся канонадой... А в глубине души робко и болезненно встает вопрос: “Не потерял ли я рассудок?”».

Пятого февраля 1917 года на фронте Георгий Дмитриевич завершил работу над «Чураевыми». В предисловии он пишет: «Помню яркий белоснежный полдень пятого февраля 1917 года... Именно в этот полдень я окончил свой роман... А ровно через месяц протрубили нам из тыла радость о Свободах...».

Увы, «Свободы» для Гребенщикова оказались началом новых тяжелых испытаний. «Первого апреля, в страстную субботу, – читаем в предисловии к «Чураевым», – один из моих подчиненных – фельдшер Филаретов, в присутствии

солдат нанес мне оскорбление действием. Отсюда и начинается тяжелая история спасения моей рукописи от истребления людьми, взявшими на подозрение всякого, имеющего какие-либо писанные мысли». Это произошло на участке 59-й пехотной дивизии в Карпатах. «Рукопись, – продолжает Гребенщиков, – хранилась в котомках верных мне солдат, пряталась от самостийников, петлюровцев, от немцев и русских, 12 дней бомбардировавших Киев, гнила в земле под покрасневшими над нею помидорами в Крыму и, наконец, отчаявшись увидеть свет на родине, в начале сентября 1920 года укрывалась в Турцию».

Горький, которому он отправил рукопись в 1917 году, обещал выпустить ее в своем издательстве «Парус», но так и не напечатал. «Вы приобрели у меня “Чураевых”, до сих пор вот уже год держите их в портфеле, – пишет обеспокоенный судьбой рукописи Гребенщиков. – Это обстоятельство меня не только беспокоит, но и злит. ... Я даже не знаю, цела ли у Вас рукопись. Если Вы потеряете ее или она погибнет в пожаре, – Вы убьете меня насмерть ... Я Вас убедительно прошу немедленно решить судьбу “Чураевых”».

Впрочем, на родине писателя первая книга «Чураевых» будет опубликована только через 65 лет, в 1982 году в Иркутском книжном издательстве. Впервые же роман увидит свет вне родины, почти через 5 лет после написания, в 1921 году в Париже, сначала в журнале «Русские записки», затем отдельным изданием в 1922 году. Накануне и во время революции на родине увидели свет другие книги Гребенщикова: «Змей Горыныч» (Петроград, 1916), «Степь да небо» (Петроград, 1917), «Любава» (Одесса, 1919). Полные глубокого философского смысла, они отличаются масштабностью повествования, самобытным, ярким стилем, что позволяет говорить об авторе как об одном из лучших беллетристов Сибири и России.

Февральские события вселили в писателя надежду о скором окончании войны и утверждении подлинной демократии. Но скоро восторг и опьянение «Свободами» развеяли события Октябрьского переворота. Скупыми фразами в письме к Горькому он так характеризует свое душевное состояние: «...как будто я всё время провалился в грязной луже, кровавой и вонючей». 29 декабря 1917 года в послании Г. Н. Потанину Георгий Дмитриевич сообщает: «Минуло десять месяцев, как Россия вступила на новый путь. И теперь, ... из свободы сделали разбой, а из любви и братства – ненависть и злобу...»

Но самые страшные события в истории России еще впереди. Скоро братоубийственные войны обогреть кровью «российские поля», и водворится страшное опустошение на «мирных трудовых равнинах», и разбросает эта беда русских людей по свету...

Тогда же, весной 1918 года, Гребенщиков впервые встретился с И. А. Буниним. «Вот там-то и прослушал всю целиком мою рукопись первого тома “Чураевых” терпеливый и внимательный Иван Алексеевич, – писал Гребенщиков в очерке “Перед Рождеством в Ялте” в 1955 году. – Отсюда начался какой ни на есть мой успех в Париже».

Но до Парижа еще далеко... Через Харьков и Одессу писатель с женой отправляются в Крым. В Крыму, куда стекалась интеллигенция со всех уголков России, наш земляк ведет активную литературную жизнь: публикует многочисленные корреспонденции в газетах Крыма, печатает циклы очерков, сотрудничает с местным Союзом журналистов, Библиотечным обществом, Народным университетом, выступает на литературных вечерах, благотворительных чтениях и т. д.

В Одессе в том же году выходит сборник его рассказов «Любава». В августе 1919 года в Ялте состоялся первый «Сибирский вечер» Гребенщикова, на котором он читает лекцию о Сибири. В ней он рассказывает о природе, этнографическом составе населения Сибири, о быте старообрядцев, о сибирском патриотизме – областничестве, о великом гражданине Сибири – Потанине, о молодой сибирской литературе.

Между тем, жизнь в Ялте все дорожает. Писатель вынужден добывать себе хлеб не только литературой, но и «черною работою». В письме к П. Б. Струве от 27 августа 1920 года он пишет, что «в течение четырех месяцев» зарабатывает средства на жизнь, «занимаясь извозом и поденщиной». Он просит о помощи «переехать в Париж – это всё, что мы теперь желаем. Там мы найдем своих ценителей и меценатов и там мы сами изыщем средства и пути на родину».

В августе 1920 года Георгий Дмитриевич Гребенщиков отбыл в Константинополь в надежде получить визу во Францию, где хотел изыскать возможность издать свои произведения. Думал ли он тогда, что больше не вернется на родину? Была ли то эмиграция – трудно сказать. Сведения противоречивы, и, возможно, исследователи в будущем разберутся в этом вопросе.

В письмах на родину в первые годы эмиграции он выражает надежду в скором времени, когда «пора кровавых бурь на родине пройдет», вернуться домой. К примеру, в письме к Горькому от 23 апреля 1922 года он просит его помочь «вызволить на время» в Висбаден жену и сына. На время, так как полагает, «что сыну скоро не понравится Европа, и, закончив здесь восьмой класс, он непременно пожелает вернуться в Россию, в русский университет. Потому ни ему, ни матери не хотел бы давать эмигрантского титула. Да, думаю, через год и сам смогу и захочу вернуться домой...»

Тогда как же понимать фразу из того же письма Горькому: «Вы не можете себе представить, как лжекоммунизм заставил меня уклониться от всего того, к чему прикасалась его растлевающая лапа. От Вас, как на духу, скрывать этого не хочу!» О том же он скажет и в письме к Савченко в 1922 году.

Живя несколько месяцев в Турции, Гребенщиков, конечно же, видел, в каком положении «обретается теперь Россия, как белая и красная, так и вся пестрая, тщетно дезертирующая от политической борьбы». Вместе с тем, исход беженцев из России в Турцию всё увеличивался, «Константинополь, переполненный русскими беженцами, измученными и озлобленными, накалился докрасна», и всё меньше оставалось надежды на возвращение. Тревога за судьбу Родины, утомительные хлопоты о визе в Париж, всё прибывающие в Турцию люди из России, – от этого «все нервы ... вся боль душевная и все физические муки в виде добывания куска хлеба работой на погрузках или в виде долгих бесплатных унижений в очередях по консульствам и паспортным бюро...» – пишет Гребенщиков в очерке «Из Константинополя».

В состоянии безысходности и отчаяния, однажды из-под его пера выплескивается пронзительное обращение к писателям Европы «Снимите распятых», опубликованное в Париже в газете «Русское дело»: «Вчера, 19 ноября 1920 года, я был среди 60-ти кораблей, стоявших в Мраморном море в устье Босфора. Я разыскивал на них остатки замученных русских писателей, но, конечно, не нашел их, а нашел 130 тысяч распятых людей! Запомните число: 130 тысяч! Это, слава Богу, не вся еще Россия, но это одна тысячная часть распятой России... Я вер-

нулся домой ночью, и окоченевшими от холода пальцами, не заботясь о стиле, пишу эти строки и требую от всех вас, пишущие, поступить так же, не теряя ни минуты, сказать ясно, кратко, всему, представленному здесь в Константинополе; пусть он скорее снимет с креста терпящий муки русский народ!»

В ожидании французской визы Гребенщиков в течение четырех месяцев трудился плотником и грузчиком. «Здесь моя рабочая закалка очень мне помогла», – писал он. Скоро ему представился счастливый случай: в качестве секретаря видного сановника, генерала-лейтенанта А. С. Лукомского, одного из генералов «штаба в ставке Государя во время Первой мировой войны и последнего главы Русского Посольства в Константинополе, представлявшего правительство генерала П. Н. Врангеля в конце 1920 года», он покидает Константинополь.

Итак, несмотря на свое пролетарское происхождение, всей душой презирающий ложь и хамство, Гребенщиков оказался в числе «врагов народа» в изгнании, – о чём писал в Парижском журнале «Возрождение» в 1957 году.

С января 1921 года Гребенщиконы живут во Франции, где работают по найму у сибирских промышленников Швецовых. Все лето и осень 1921 года они строят для них дачный дом и за работу в качестве оплаты получают участок земли для строительства собственного дачного домика. По воспоминаниям эмигрантов, в этом месте постепенно начинает складываться русская колония, названная Гребенщиковым «Фавьерской коммуной». Представителями этой довольно обширной колонии были семейства Врангелей, Швецовых, Оболенских и Саши Черного (*А. Гликберга. – Прим. О. Т.*). Потомки эмигрантов живут там по сей день, но домик Гребенщиконых не сохранился. Рассказывают, что он был разрушен в годы Второй мировой войны.

В этот период Гребенщиконы живут то во Франции, то в Германии. В Висбадене в 1923 году Георгий Дмитриевич покупает и чинит большой дом, стоящий уединенно на горе с видом на долину Рейна. В его замыслах в перспективе открыть отделение книготоргового предприятия «Родник», переплетную мастерскую и устроить литературный салон.

Несмотря на трудности «мотаний из места в место»: Париж – Висбаден – Прованс... – в первые же годы жизни во Франции и Германии одна за другой выходят в свет его книги. Уже в 1921 году в Париже появилась первая зарубежная книжка «В некотором царстве». Нет, это не волшебные сказки для детей, а повествование о чудовищной сказке-были, «подлинной, не сочиненной, а совершившейся наяву... – предупреждает читателя автор. – Я буду вам рассказывать о той многообразной правде, которая когда-то будет сказкой, потому что эту правду выносят на своих плечах дети, будущие бабушки и дедушки, будущие вы».

В 1922 году в Берлине издана книга «Путь человеческий», в 1922 году в Париже отдельным изданием выходят «Чураевы», сначала на русском, потом на французском языках. Спустя два года также в Париже выходит «Любава» на французском языке в журнале «La Nouvelle Revue Française». В этом же журнале в 1924 году публикуется повесть «Ханство Батырбека». В 1922–1923 годах в Париже выходит собрание сочинений в шести томах. В 1924 году – «Былина о Микуле Буяновиче» – роман-эпопея в трех частях – одно из самых значительных произведений Гребенщикова. «Эта книга – событие. Это слиток силы, светлая лесная криница», – отозвался о ней Константин Бальмонт. В очерке «Чудесное

воспоминание» Гребенщиков рассказывает необычную историю ее появления. Тогда они с Татьяной Денисовной только что прибыли во Францию, и их приютили в Париже «обрусевшие французы, две сестры и брат Дюготье».

«...Как с корабля на великосветский бал, мы попали в исключительно интеллигентное общество французов в Париже», – вспоминал Георгий Дмитриевич. Живя в мансарде у Дюготье, писатель за рекордно короткий срок создал произведение удивительной художественной силы – поэму в прозе «Былина о Микуле Буяновиче». Она была написана на одном дыхании. Татьяна Денисовна «буквально не успевала переписывать листки, которые валились с моего малюсенького столика», – вспоминал автор. «Это чудо и до конца останется чудом: я написал всю поэму в прозе (это, конечно, не роман, а именно поэма в 400 страниц) в течение шести недель, – рекорд для всякого романиста немислимый».

О чем поэма, – трудно пересказать в нескольких предложениях. Ее нужно читать вдумчиво и серьезно. А если коротко – это роман «о позвоночном столбе России, о русском крестьянстве», – так писал Гребенщиков. О глубине и силе этого философского произведения, о самой сути его хорошо сказал писатель Валентин Распутин в предисловии к книге, вышедшей в московском издательстве «Ариаварта-Пресс» в 2003 году: «"Былина..." – это сказание о судьбе России. Никак не найдет она, эта судьба, надежной пристани, всё треплют и треплют ее, будто челн в море, бушующие волны не управляемой ко благу стихии народной. Может быть народ и богатырем Микулой Селяниновичем, оратаем хлебного поля и защитником царства, а может стать Микулой Буяновичем, набравшим от родной земли силы богатырской и, в соблазнах, надрыве, безверье и чужести, – изведавшим ее на потрату и своей доли, и доли царства. Из богатыря-заступника способен он сделаться богатырем, крушащим налево и направо всё, что созидалось долгими временами. И в ужасе, как Микула Буянович, оглянется он на содеянное. И вспомнит свой первый шаг отступничества, такой, казалось бы, безобидный, когда от бедности оставил он родной порог и отправился в бойкие места счастья искать. Ох, красиво блестит там счастье, да в руки не дается, а только за показ себя требует огромную цену. Не уберется там добрый и доверчивый мальчик Микулка, превратился в каторжника, а затем, когда революция сняла кандалы, – в отчаянного и слепого мстителя...»

«Былина», переведенная на французский и английский языки (на английский в авторском переводе), сослужила писателю великую службу. Именно благодаря «Былине» имя нашего земляка станет всемирно известным. «В трилогии "Микула" Гребенщиков – сразу классик», – писал профессор Сорбонны Поль Буайе.

Все последующие события в жизни писателя так или иначе будут связаны с «Былиной». На Гребенщикова обратят внимание серьезные критики, для него откроются двери уважаемых издательств, он получит прекрасную работу, станет профессором Флоридского колледжа и т. д. Но самое главное, пожалуй, то, что «Былина о Микуле Буяновиче» – это первое произведение из написанных в изгнании, что дошло до читателя на его родине. «"Былина" в словесном пересказе и в рукописях ходит по теперешней Руси», – писал в январе 1957 года Гребенщиков в очерке «Чудесное воспоминание» со слов поэта Виктора Булина, прибывшего в эмиграцию из концлагерей Сибири.

В июле 1923 года начинается переписка Г. Д. Гребенщикова с Н. К. Рерихом. Гребенщиков заинтересовал Рериха как духовно богатая, талантливая личность, как

человек инициативный и деятельный и, конечно же, как человек, хорошо знающий Алтай. Осенью 1923 года состоялось знакомство Г. Д. Гребенщикова с Н. К. Рерихом. В ближайшие планы единомышленников входит организовать в Нью-Йорке совместное книгоиздательство «Алатас», директором которого предлагается стать Гребенщикову. В это время Гребенщиков усиленно изучает английский язык, так как по приглашению Рериха готовится к отъезду в Америку.

Тридцатого октября в парижском отеле «Мажестик» друзья Георгия Дмитриевича и артисты Московского художественного театра организовали в его честь грандиозный литературный вечер. Н. К. Рерих обратился с краткой, но весомой речью к соотечественникам-эмигрантам, что сделало вечер особенно значимым. Сцену из «Былины о Микуле Буяновиче» сыграли артисты: Н. Н. Литовцева, А. К. Тарасова, П. А. Бакшеев. В. В. Лужский и И. М. Москвин читали отрывки из его рассказов, О. Л. Книппер-Чехова – отрывок из романа «Чураевы». Выступали Ф. В. Шевченко, М. М. Тарханов, В. И. Качалов и другие известные артисты.

А в середине ноября 1923 года на открытии зимнего сезона литературно-художественных вечеров «Монпарнасской Богемы» вновь состоялся вечер, посвященный Г. Д. Гребенщикову. О его творческом пути читалась лекция на французском языке. Звучали его стихи, рассказы, отрывки из произведений, переведенных также на французский язык. Сам же автор повествовал о сибирской музыке и песне, исполнял народные, тюремные, свадебные, казахские и сибирские песни. Почетным председателем вечера являлся К. Д. Бальмонт.

Но не всё в этот период жизни в Европе у Гребенщикова складывалось гладко. Непростыми были его отношения с богемной эмигрантской средой. Не каждому в ней пришлось по нраву слава человека из народа. «В писательской среде возобладала политика подтравливания Гребенщикова, – пишет исследователь творчества Гребенщикова Владимир Росов в книге “Новости с двух берегов”. – В связи с подготовкой французского издания “Чураевых” Гиппиус и Мережковский заявили издателю Боссару протест. Его суть сводилась к следующему: как возможно, чтобы рядом со знаменитостями, вместе с мэтрами Мережковским, Буниным и Куприным издавать “никому неизвестного юнца Гребенщикова”». «Узнавши же, что Мережковский вел подкоп под меня у Боссара, а Бунин помогал ему, – писал Гребенщиков в мае 1923 года, – я не мог их не лишить моего почитания, ибо, в самом деле, стыдно большим людям идти войной против брата младшего и ничего дурного не сотворившего». Но Боссар покровительствовал Гребенщикову, приняв сторону бывшего директора Французского института в Петербурге Поля Буайе и переводчика Анри Монго. «Фактически он поддержал сибирского писателя, и роман “Чураевы” (1922), а следом повесть “Любава” (1924) появились на французском языке», – заключает В. Росов.

Несмотря на успехи в Европе, наш земляк весной следующего года всё-таки отправляется в Америку.

Был апрель 1924 года. Гребенщиконы на пароходе «Левиафан» пересекали океан, навсегда отделивший их от Родины. Какие чувства владела писателем, с надеждой вглядывающимся в даль в поисках чужих берегов? Тревогу, надежду, сомнения, боль оттого, что всё дальше удаляется от Родины? Об этом он расскажет сам в очерке «Новые берега. Письмо из Америки»: «...Не передаваема эта минута. Я думаю, она близка была к той, когда мы, русские, после долгих

лет наших скитаний по чужбинам, увидим также вот берега родной земли. Но мне, знающему широту и вольность молодой страны Сибири – берега Америки почуялись сродни... Я допускал, что меня могут не спустить с корабля, может быть, посадят на месяцы на «Острове слез» или даже отправят обратно в Европу. И всё-таки тот факт, что приблизился к этим берегам страны доверчивого Гайаваты, ... уже не говоря о новой эре редкого строительства свободы и культуры, – я бы всё-таки унес отсюда какое-то приобретение – и Божий мир мне стал бы еще ближе и дороже... Всё ближе, ближе. Всё яснее контуры, всё отчетливей рисунок берегов. Да, это Америка... Америка! Какое всё-таки большое, содержательное слово...»

Грустно и торжественно на душе Гребенщикова... И вот, еще не коснувшись ногою свободной земли, он уже мечтает о возвращении домой, почти не надеясь на то, что час этот настанет. «Вот тут я понял, как далеко ушел я от Родины и от родных своих. А на какой же срок? Быть может, на долгие годы. Быть может, навсегда...»

Остается только предполагать, как трудно было нашему соотечественнику в неведомой ему стране. «Уж очень тяжела Америка первые три года даже для тех, кто имеет в ней лучших друзей и удачу», – писал Гребенщиков. Ему предстояло преодолеть, вероятно, самый трудный барьер – язык. Он учил чужой язык неустанно, всеми возможными способами, читая рекламы, вывески, разного рода надписи. Многие годы спустя Георгий Дмитриевич в письме к другу, сибиряку Илье Григорьевичу Савченко напишет: «Английские мои стихи не только публикуются в Америке, но одна поэма положена на музыку и распевается на больших концертах, посвященных России».

Итак, по прибытии в Нью-Йорк, 7 мая 1924 года Г. Д. Гребенщиков официально назначен исполнительным директором книгоиздательства «Алатас», что расположено в Музее Рериха в Нью-Йорке на Манхэттене, 310 Риверсайд Драйв. Книгоиздательство разместилось на третьем этаже в комнате № 5 с чудным видом на реку. Георгий Дмитриевич работает с ближайшими сподвижниками Рериха, руководителями его музея: президентом Луисом Хоршем, вице-президентом Морисом Лихтманом и другими последователями учения Живой Этики. Они решают организационные дела, читают учение Агни-Йоги, проводят спиритические сеансы. Татьяна Денисовна служит при музее в чайной и всем, чем только может, помогает Георгию Дмитриевичу.

В течение трех лет книгоиздательство «Алатас» выпустило около десяти книг. Среди них: А. Ремизов – «Звенигород Окликанный», Н. Рерих – «Пути Благодословения» и «Сердце Азии», перевод Е. Рерих писем Махатмы – «Чаша Востока». Здесь же публикуются книги Гребенщикова: три тома эпоса «Чураевы», «Былина о Микуле Буяновиче» и другие. Многочисленные лестные печатные отзывы о книгах «Алатаса» сделали издательству почетное имя, широко известное всему русскому читающему миру в Америке и Европе.

В том же 1924 году Георгий Дмитриевич начал читать лекции о Сибири, «чтобы донести свое слово до русских эмигрантов». Но нелегкое то было дело! «Тогда почти все русские рабочие были отравлены пагубными атеистическими идеями, – сокрушался Гребенщиков, – они были против церкви, против религии и нередко просто отказывались меня слушать. Оттого мои гонорары чаще всего сводились к добровольным пожертвованиям».

К началу 1930-х годов писатель становится профессиональным лектором. В совершенстве освоив английский язык, он прочтет более тысячи лекций и в колониях русских эмигрантов, и в американских образовательных учреждениях, исколесив Америку вдоль и поперек. «...Лишь после пяти лет разъездов с лекциями отважился принять кафедру русской литературы и истории в одном из американских университетов», – писал Гребенщиков в очерке «Толкай телегу к звездам!..». Так звучит американская поговорка, заключающая в себе, по-видимому, смысл такой: трудись, стремись достичь большего, работай над собой, познавай мир, и эти знания приблизят тебя к цели. В Америке Гребенщиков самоотверженно «толкал свою телегу к звездам» на литературном и просветительском поприщах. Здесь он написал и опубликовал множество романов, повестей, стихов, которые составили многотомное собрание его сочинений.

Ровно через год в штате Коннектикут на слиянии древнейших рек Помпераг и Хусатоник Гребенщиков купил участок земли. Это место было уже обжито русскими людьми. По некоторым сведениям, здесь было несколько домов для летнего отдыха, и называлось оно, по словам некоторых исследователей, Ясной Поляной, потому что одним из первых поселенцев этих мест был сын Л. Н. Толстого – Илья Львович. У него-то Гребенщиков и приобрел землю (16 акров). Вскоре Георгий Дмитриевич прикупил еще 100 акров, надеясь основать здесь поселение для русских эмигрантов – скит русской культурной мысли.

«Кто теперь поверит, что тогда в начале 1930-х я основал деревню, выстроил несколько домов, соорудил часовню во имя Преподобного Сергия Радонежского как мой ответ на разрушение храма Христа Спасителя в Москве? Да, я строил ее своими руками в течение трех месяцев, при этом похудел почти на десять килограммов. Строил ее счастливо, восторженно, и вот теперь наша чураевская часовня стала святыней для многочисленных паломников. Мы купили и устроили типографию прямо там, на вечнозеленых холмах Коннектикута, и оттуда в разные уголки мира отправились мои гонимые книги, чтобы нести надежду и утешение тысячам эмигрантов, рассеянных по всему свету.

Долгая это история. Целые тома написаны в виде лекций, писем, статей, заметок, но мало что было издано на английском языке – это наше немое страдание и наша боль, и наши раны от неустанного упорного труда на каменистой земле Коннектикута. Единственным свидетелем и кротким утешителем наших слез и молитв был Преподобный Сергей в своей прохладной тихой часовне. Именно здесь задуманы самые «удачные» мои книги». («Гонец. Письма с Помперага», «Егоркина Жизнь», «Чураевы» (семь томов романа-эпопеи) будут писаться в невероятных условиях напряженного труда, морального и физического.

Чураевка стала гостеприимным местечком, на огонек которого слетались деятели русской литературы и культуры. Был случай, когда Георгий Дмитриевич с Татьяной Денисовной целую неделю мыли посуду – у них побывало 500 гостей.

В 1925 году Гребенщиков получает с Гималаев от Н. К. Рериха указ – написать книгу об Алтае. «Считаю, книга ... должна явиться событием ... Именно Тарухан громовым голосом может сказать серебряно-самоцветную мудрость Сибири», – писал Рерих. Уединившись в своей лесной обители – Радонеге (так называл Чураевку Гребенщиков. – Прим. О. Т.), Гребенщиков пишет гимн Алтаю – книгу «Алтай – жемчужина Сибири». По сути, труд этот создавался писателем всю жизнь. Отголоски его звучали в тысяче лекций о Сибири, ее прошлом, будущем

и настоящим, прочитанных в России и Америке. «Я почувствовал, что в эту книгу должен вложить всё лучшее из моих чувствований и дум о новой стране...»

В 1927 году Гребенщиков завершил работу над книгой. Однако замечательному замыслу суждено было остаться в рукописи. Издание книги было претворено в жизнь лишь частично: финансовые затруднения в существовании издательства «Алатас» позволили выпустить ее лишь фрагментарно.

В 1920-е же годы Георгий Дмитриевич увлечен новым творческим замыслом. Он, теперь уже в собственном книгоиздательстве, в 1927 году выкупленном у корпорации «Алатас» и перенесенном в Чураевку, выпускает книгу «Гонец. Письма с Помпеага» – итог его трехлетнего пребывания в Америке. Она увидела свет в 1928 году и произвела ошеломляющее впечатление на русского читателя во многих уголках мира.

Эта философско-публицистическая книга – одновременно исповедь и проповедь человека, много повидавшего и испытавшего в жизни. В ней звучат и ностальгия по прошлому, и призыв отчаявшихся верить в светлые идеалы, и торжество разума. В «Гонце» Гребенщиковым сделана попытка воплотить в жизнь новую философию – практическую школу Жизни: как пройти жизненный путь «бережно, полезно и красиво». Путем художественного слова писатель стремится утвердить «в сердцах и разуме всех людей, что первое и несметное богатство и лекарство от всех болезней, от духовных и физических – есть Радость Бытия. Великий Князь Александр Михайлович высоко оценил книгу: «Читаю “Гонец” и радуюсь... Она должна многим раскрыть глаза на истину, на смысл и цель жизни». В Советском Союзе «Гонец» в сокращении был опубликован в «Сибирских огнях» в 1991 году. Отдельной же книгой небольшим тиражом в 3000 экз. она издана в России «Международным центром Рерихов» в 1996 году.

Профессор А. А. Макаров вспоминал, как отзывался о «Гонце» замечательный актер Владимир Ивашов, известный зрителю по блестящему исполнению ролей Алеши Скворцова в фильме «Баллада о солдате» Г. Чухрая, Печорина в «Герое нашего времени» С. Ростокского и др.

– Как-то я летел в самолете с Владимиром Ивашовым. Он попросил меня что-нибудь почитать, а я как раз направлялся на конференцию, где должен был говорить о Гребенщикове, и захватил с собой книгу «Гонец. Письма с Помпеага». Он читал книгу 4 часа, потом попросил на ночь, а утром, возвращая, сказал взволнованно: «Боже мой, почему я не знал, что такая книга есть в этом мире! Как же можно жить без этой книги?!» Это очень высокое признание, – заключает Макаров.

Все последующие годы жизни в Чураевке литературные, общественные и просветительские проекты Гребенщикова успешно реализуются. «Писателем-радостником», который «сразу стал в ряд с крупнейшими русскими писателями», – называет его в 1925 году И. Г. Савченко в статье, опубликованной в пражском журнале «Студенческие годы». Это был восторженный отклик на выход в свет в издательстве «Алатас» второй части романа-эпопеи «Чураевы» – «Спуск в долину». С 1925 по 1937 годы изданы (первые три переизданы) 6 томов эпопеи: «Братья», «Спуск в долину», «Веления земли», «Трубный глас», «Сто племен с Единым», «Океан багряный». В 1926 году из Лозанны (Швейцария) Гребенщико-ву приходит сообщение от известного русского книговеда Н. А. Рубакина, что

первые три книги-эпопеи специальным Комитетом интеллектуальной кооперации при Лиге Наций признаны выдающимися трудами мировой литературы.

А Чураевка, в которую вложено много физических и духовных сил, в эти и последующие годы растёт и развивается. Гребенщиков ведёт очень насыщенную творческую жизнь, много публикуется в газетах и журналах, пытается наладить творческие связи с писателями, издательствами, органами печати СССР.

Георгий Дмитриевич ведёт активную переписку с писателями-эмигрантами Франции, всемерно помогая им денежными переводами, продовольственными посылками, устраивая в Америке в пользу нуждающихся К. Д. Бальмонта, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева и других денежные сборы. Принимает активное участие в открытии Музея Рериха в новом 29-этажном небоскребе в Нью-Йорке, собравшем 5000 человек.

В 1931 году произошло замечательное событие в жизни писателя. Двадцать первого ноября общественность Нью-Йорка устраивает юбилейный вечер по случаю 25-летия его литературной деятельности. На чествовании юбиляра, состоявшемся в здании Музея Рериха, собрались более 40 представителей со всех континентов. Его приветствовали известные деятели культуры и литературы, отмечая выдающиеся заслуги писателя в писательской и общественной деятельности. На юбилее Георгий Дмитриевич прочел свой новый рассказ «Андромеда».

Однако не всё было так гладко на его пути. В 1933 году в Голливуде Георгия Дмитриевича сбил автомобиль. Три месяца он провёл в больнице, потратил последние деньги на лечение. «Естественно, все мои лекции были отменены, а уплатить в срок процент, подлежащий погашению по закладной, я не мог. Тогда мой кредитор не только изъясил все новые земли, но и потребовал возмещения убытков в сумме 10.000 долларов... Однако я сумел сохранить типографию, пишущую машинку, кое-что из имущества и даже дом, но какой ценой... Ценой, которую я выплачивал до сентября 1950 года, пока, наконец, я выплатил все, что причиталось по закладным, все непомерные налоги и просроченные платежи, всё до последнего пенни».

В 1930-е же годы русские артисты Голливуда ставят его пьесы, он продолжает разъезжать по Америке с чтением лекций в колледжах, американских клубах и церквях, теперь и на английском языке.

Шестнадцатого мая 1940 года выходит роман «Былина о Микуле Буяновиче», переведённый на английский язык. Эта книга сыграла в жизни писателя очень важную роль. Благодаря «Былине» Георгий Дмитриевич почти в одночасье стал профессором Флоридского колледжа.

К этому времени в 1941 году Гребенщиконы переезжают в Лейкленд, строят новый дом с высокими стрельчатыми окнами, просторной гостиной, камином и маленьким балкончиком под сводом крыши. Татьяна Денисовна работает в колледже – заведует типографским отделом, преподаёт типографское искусство.

С болью в сердце, с огромной тревогой за судьбу Родины следил Гребенщиков за событиями Великой Отечественной войны, сознавая, что «равновесие всего мира» в настоящий момент решается именно в России. В очерке «Под воронье карканье» он ясно выразил свое отношение к войне вообще: «Кто может уничтожить нас самих и похитить наши духовные ценности?! Кто может в нас убить народ, язык, душу, сердце наше, всем прощающее зло?!» Разве человек, пишущий

эти строки, и подобные ему патриоты, могли желать России поражения в Великой Отечественной войне?

В начале войны ушел добровольцем на фронт из Ленинграда и пропал без вести в конце 1941 года Анатолий Георгиевич Гребенщиков, сын писателя. Здесь, дорогой читатель, мне хотелось бы, возвращаясь к событиям давних лет, коснуться судеб дорогих сердцу писателя людей, о которых Георгий Дмитриевич всегда болел душой, живя надеждой когда-либо увидеться.

«Ты был молодым, и красивым, и смелым,
Последним в печали, и первым в бою.
Проклятье врагу, разлучившему с телом,
Простую и храбрую душу твою...» –

читаю проникновенные строки В. И. Лебедева-Кумача на обороте снимка, запечатлевшего молодого, красивого человека. С трепетом вглядываюсь в одухотворенное лицо, мечтательные глаза, пытаюсь уловить сходство с Г. Д. Гребенщиковым...

Да, на снимке его единственный сын – Анатолий, которому суждено было жить в разлуке с отцом и о котором до недавнего времени мы почти ничего не знали. С дочерью Анатолия, Людмилой Анатольевной Гребенщиконой, что живет в Москве, мы переписывались, но на многочисленные наши просьбы рассказать о себе и об отце получали лишь короткие отписки. И вот наконец наши просьбы услышаны. Благодаря ее троюродному брату из Усть-Каменогорска – Чащину Владимиру Николаевичу, – первому Гонцу с родины ее деда, – мы получили заветную посылку: сборник стихов Людмилы Анатольевны «Вечерний горизонт», снимки сына, внучки, правнуков Г. Д. Гребенщикова.

О своей бабушке, Л. Н. Гребенщиконой, в девичестве Степановой, чьим именем и ее нарекли, Людмила Анатольевна почти ничего не знала. В одном из писем в музей она сообщала лишь то, что жена Гребенщикова не поехала с ним за рубеж, «оставшись с сыном-подростком в России...»

А что же известно теперь о сыне и внучке писателя? Анатолий родился в 1906 году в Семипалатинске. Когда в сентябре 1920 года его отец уехал за рубеж, еще не ведая, что это «путешествие» затянется до конца жизни, Анатолий с матерью остались на Родине. Но уже в 1922 году Гребенщиков хлопочет о переезде жены и сына в Германию, не теряя, однако, надежды о скором возвращении в Россию.

Из Висбадена он обращается за помощью к М. Горькому: «Главное мое неспокойствие причиняет разлука с семьей: жена на Алтае, учительствуя, ходит босая, потеряла голос, шепотом учит детей, живет в нищете и голоде, в нетопленном доме, а сын в Питере живет из милости у моих друзей, и все мы не можем не только свидеться, но и писать регулярно друг другу: мои письма не доходят на Алтай, а оттуда нет таких денег, как 60 тыс. рублей на письмо. Да и у сына нет ни штанов, ни рубахи, ни денег, ни марки. Все мои посылки – одна морока и мираж, галлюцинации для... ожидающего их мальчишки... Между тем, сын у меня один и по всем отзывам хороший и порядочный мальчик, и я не знаю, как был бы я Вам обязан, если бы Вы помогли их обоим с матерью выручить в Германию. С матерью, потому что она еле таскает себя от изнурения, а мальчик не только не желает ее бросить, но и решил ехать к ней в Сибирь, чтобы вывезти ее

в Петербург... Но мальчику скоро семнадцать лет. (Я не вижу его ровно 6 лет...) Мне не хотелось бы вывозить их нелегально... потому, что я уверен, что сыну скоро не понравится Европа... Да, думаю, что через год и сам смогу вернуться домой...» Однако Горький не ответил Гребенщикову.

Анатолий тем временем живет у друга отца – писателя В. Я. Шишкова, автора романов «Угрюм-река», «Емельян Пугачев» и других. В очередном письме к сыну читаем, что Георгий Дмитриевич по-прежнему тоскует по родным и надеется вернуться на Родину. В 1933 году он пишет Анатолию и его жене Зинаиде Васильевне в Ленинград: «Милые мои ребятки! Посылаю вам кое-какие фотографии, чтобы вы имели представление о местах, где я путешествую. Попутно шлю вам программу о постановке одной из моих пьес. Шлю мой привет и любовь. Хочется мне чаще писать вам, но не знаю, удобно ли это для вас: ведь я из другого мира человек. Всё же и вы не забывайте меня. Помните, что мое сердце (есть такой маленький мотор в человеческой машине, который имеет кое-какие способности чувствовать веру, надежду и любовь) всегда наполнено воспоминаниями и болью о вас. Ваш папа».

Но письма с родины приходят все реже. Анатолия преследуют за связь с отцом-эмигрантом. По несколько раз в году ему приходится менять работу, да и получить высшего образования не довелось – вновь припомнили отца. Но, несмотря ни на что, он не отрекся от отца, не поменял фамилии. Окончив индустриальный техникум, Анатолий работал на ГЭС и в «Ленэнерго».

Переписка отца и сына продолжалась до самой Великой Отечественной войны. «Сын звал отца обратно в Россию, отец звал сына к себе, – пишет Людмила Анагольевна. – Но Георгию Дмитриевичу возвращаться было, конечно, рискованно, а папа мой не хотел покидать Родину. Перед войной переписка прервалась, потому что отца стали преследовать за родителя-эмигранта, и он был на грани ареста... Но началась война, отец, будучи начальником одного из штабов обороны Ленинграда, ушел на фронт добровольцем, просто рядовым солдатом и – инженер, интеллигент, совсем не военный человек – в конце 1941 года пропал без вести. Мама еще надеялась, что он попал в плен, и ждала его после войны, когда был обмен пленными, но не дождалась. Думаю, что он погиб сразу же в 1941 году при обороне Ленинграда».

Людмиле Анагольевне в начале войны было четыре года, она не помнила отца:

Войны сирота, я не знаю отца и не помню –
Твой воин, Россия, убит он неведомо где...

Со слов матери, Зинаиды Васильевны, она рассказала, что отец был очень красив, галантен и обаятелен, хорошо пел и играл на гитаре, был душой компаний.

В годы войны Людмила и ее старшая сестра, 14-летняя Маргарита, были эвакуированы на Урал. Мать же осталась в блокадном Ленинграде ухаживать за больной тетей. Это были страшные годы испытаний для Зинаиды Васильевны. Отправив детей на эвакуопункт, она через некоторое время узнала, что детсад, где собрали детей для отправки на Урал, разбомбили. Всю войну Зинаида Васильевна, не имея вестей и от мужа, жила надеждой, что ее девочки всё-таки чудом остались живы.

Но то не пустяк, как в блокадном живя Ленинграде,
 Одна-одинока отважная мама моя,
 А мука ее у меня проступает во взгляде,
 Как сквозь известняк проступают незримо моря...

Окончилась Великая Отечественная война. Люди возвращались домой из эвакуации, разыскивали родных. Однажды по радио объявили о вернувшихся из эвакуации с Урала детей, и Зинаида Васильевна отправилась на вокзал. Младшую – Людмилу, она не узнала – так девочка выросла за четыре года, как, впрочем, и дочь не узнала ее. И лишь когда старшая, Маргарита, бросилась к матери, младшая сестра последовала за ней. Мужа же с войны Зинаида Васильевна так и не дождалась.

Даже в 1943 году Г. Д. Гребенщиков ничего не ведал о судьбе сына. Да и узнал ли потом? В письме к Шишкову в Москву от 3 июня 1943 года он пишет: «Дорогой друг Славушка. Много воды и человеческой крови утекло с тех пор, как мы обменивались письмами. Теперь уже пять лет, как мы не слышим ни звука ни от родных, ни от друзей. Не знаю, где Людмила, где Анатолий. Живы ли, может быть, ты знаешь?»

После войны Людмила Анатольевна, окончив школу, затем инженерно-строительный институт, работала расчетчиком строительных конструкций в проектно-институте. В студенческие годы начала писать стихи, вступила в Союз писателей СССР, теперь – России. Печаталась с трудом, так как стихи, по ее словам, были «совсем не советские». В. А. Солоухин назвал их философской лирикой.

Перелистываю небольшой сборник ее стихов «Вечерний горизонт», в который раз перечитываю необыкновенно выразительные, наполненные философского смысла строки. «Но что можно сказать о стихах? – вспоминаются строки из ее письма. – Их надо читать и слушать. Если удастся когда-нибудь к вам приехать, – почитаю». Что же, хочется верить, что эта встреча рано или поздно произойдет. А пока предлагаем вам, уважаемые читатели, ее стихотворение, посвященное знаменитому пращурю – Г. Д. Гребенщикову.

Здесь времени холодные длинноты
 свистят, как ветры, над равниной голой.
 Но голос твой мне воспаляет горло
 Прозрачной и насмешливою нотой.
 Издалека – протяжное анданте –
 он вдруг проступит почерком старинным,
 стихотвореньем скромным и недлинным
 о том, что, может, ты любил когда-то.

К тебе однажды, поперхнувшись словом,
 Соскучась бытием своим оседлым,
 хранящая судьбою милосердной,
 я с мальчиком приду светлоголовым.
 – Смотри, – скажу, – вот правнук твой прекрасный,
 высок и нежен отроческий лобик,

смеющийся – средь алчности и злобы, –
он легким шагом обойдет соблазны.
Покойся с миром, знаменитый пращур,
в стране далекой, о, покойся с миром!
На родине покинутой и милой
остался след души твоей парящей.

Такова история отца и сына... Таковы судьбы нашей Родины...

По мере сил и возможностей, Георгий Дмитриевич в годы Великой Отечественной войны многое делал для помощи соотечественникам в борьбе с фашизмом. Когда в 1941 году в Нью-Йорке была создана благотворительная организация «Общество помощи России в войне» («Russian War Relief» или «РУР»), официально утвержденная правительством США в сентябре 1941 года, а комитеты «РУР» были созданы во многих крупных городах США, Г. Д. Гребенщиков состоял членом Главного Комитета Лейкленда.

Вот строки из письма Гребенщикова к Константину Симонову от 22 мая 1946 года:

«...Во время Отечественной войны я всё время работал в Рошиан Вор Релиф (Комитет помощи русским в войне) и даже, как видите из списка на этом бланке, состоял членом Главного Комитета. Эренбург (писатель, поэт, публицист), вероятно, знает английский язык. Он Вам переведет мою поэму «Кровь Славы», напечатанную на одной из прилагаемых программ наших русских вечеров в этом колледже. Эта поэма, будучи положена на музыку композитором Василием Васильевичем Завадским, прозвучала по Америке во многих городах, в том числе и в Нью-Йорке, в дни торжества Победы в присутствии Советского Консула и прочих патриотов. Всё это пишется Вам для того, что, хотя Вы меня не могли знать, так как я уехал из России, когда Вам было всего пять лет, я все эти годы отдал прославлению русской культуры, служа по мере сил своим скромным пером».

Красноречив и тот факт, что после окончания Великой Отечественной войны Гребенщиконы приняли и содержали 17 перемещенных лиц из Европы, в том числе бежавших из фашистских концлагерей, помогая многим получить образование в Южно-Флоридском колледже. В письме Илье Григорьевичу Савченко от 12 октября 1947 года об этом сообщается: «...Наш академический год начался с двойной нагрузкой и с прибавкой для нас пока что двух студенток-девушек из Европы. Они теперь как бы наши дочки, и потому ответственность и почетна, и обязательна».

Несмотря на многочисленные заботы, Гребенщиконы многое делали для практической помощи СССР, проявляя живой интерес к советской литературе. «Мы профессорствуем здесь уже пять лет, с самого начала войны, – читаем в письме к Савченко 1945 года. – Таня учит искусству печатания, я – изящной словесности (представь – по-английски), русской литературе, русской истории, русскому языку... Сам прошел курс высшего образования: кроме магистерской степени, 16 марта 1945 года возведен в степень доктора философии, избран почетным членом профессорской коллегии Университета в Ваназагараме, Южной Индии, почетным членом Академии наук и искусств в Мексике, таковым

же в Бразилии и даже награжден крестом Тернового Венка от древнейшего католического ордена Франции, основанного Святым Луи в 1089 году. Всё это якобы за мои гуманитарные литературные труды, главным образом за «Былину о Микуле» (по-английски), за «Гонца», за труд «Зов Азии», появившийся в 1926 году в монографии, посвященной Гималаям и изданной Брентано... Всё это за гроши, но нужды мы эти пять лет не знаем, и долги наши постепенно выплачиваются. Чураевка цела и самотеком растет. Надеемся вернуться туда как только старые долги по ней и книгопечатанию будут выплачены. В общем, “адвенчюрс” продолжаются. Не знаю, чем они кончатся: могилой и крестом у подножия часовни Чураевки или всё-таки последним вздохом на родном кургане в предгорьях белоглавого Алтая».

Увы, «белоглавого Алтая» писателю не суждено было увидеть. В 1956 с ним случился удар, он утратил память и речь. Татьяна Денисовна оставалась верной подругой и помощницей до конца его дней. Многое она делала и потом для сохранения архивов мужа и популяризации его произведений в Советском Союзе. Ее переписка с советскими исследователями говорит о том, как высоко ценила она Гребенщикова как человека и писателя и много трудилась, несмотря на то, что в последнее время сама перенесла несколько операций. Георгий Дмитриевич умер 11 января 1964 года. Татьяна Денисовна пережила мужа всего лишь на 20 дней. Похоронены рядом на кладбище Лейкленда.

А что же Чураевка? Какова судьба русской деревни, в которую Георгий Дмитриевич вложил столько сил и надежд, «таранил и преодолевал невероятные препятствия на пути к возможности продолжать свой труд и не дать погаснуть фактической и символической чураевской лампадке... Эта борьба за огонек русской духовной культуры была так многообразна, многосложна, материально убыточна и неблагодарна, – пишет Гребенщиков. – Прежде всего, на каждом шагу приходилось защищать и утверждать доброе имя исторической России и обезмолвленного ее народа, не только путем сотен лекций и при посредстве статей и книг на иностранных языках, но и на профессорской кафедре американского университета, и даже в Сенате Соединенных Штатов Америки, и, в особенности, путем специальных манифестаций в Чураевке. А самое основное – построение и развитие Чураевки без средств и посторонней помощи, своеручное в ней книгопечатание и посильная помощь перемещенным лицам в Европе, а потом и здесь, в Америке».

К сожалению, русская колония в настоящее время на грани исчезновения. Со смертью Георгия Дмитриевича она стала быстро угасать, оставаясь неосуществленной его мечтой. В выступлении на II Всероссийской конференции в Алтайском государственном университете в Барнауле А. Б. Фирсов ещё в 1991 году говорил о плачевном положении Чураевки: «Средств нет не только на реставрацию, но и просто на поддержание ее маломальского дыхания. Продана типография “Алатас”, распродают редкие книги из библиотеки Гребенщикова...»

Только в 1992 году архив писателя при содействии Российского МИДа вернулся в Россию и размещен в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая в Барнауле. Александр Борисович Фирсов выслал нам текст сообщения по российскому радио от 21.04.1996 года журналиста Альфреда Тучинского из Чураевки: «Когда-то русская деревня Чураевка была настоящим

действующим очагом культуры в самом центре Америки. Деревня насчитывала 27 домов... Сейчас в Чураевке осталось всего пять семей... Видимо, может так случиться, что Чураевка останется, а россиян в Чураевке не будет...».

Что можно добавить к сказанному?.. Как, впрочем, и к тому, что если талант нашего земляка был высоко оценен и отмечен многими международными наградами и почетными учеными степенями академий наук и искусств университетов разных стран: Франции, Англии, Индии, Аргентины и других, то его соотечественникам остается только надеяться на знакомство с наследием писателя.

ЛИТЕРАТУРА

(сокращенный список)

1. Гребенщиков Г. Д. Гонец. Письма с Помпепага. Чураевка: Алатас, 1928.
2. Гребенщиков Г. Д. От автора: Предисловие к английскому варианту книги Г. Д. Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче». Чураевка (шт. Коннектикут). Май 1940 г. / Пер. с англ. А. Б. Фирсова. Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей (ВКОМ).
3. Гребенщиков Г. Д. Рождественское обращение к русскому народу // Новая заря (г. Сан-Франциско). 1951. 15 декабря.
4. Гребенщиков Г. Д. Егоркина Жизнь. Чураевка: Алатас, 1966.
5. Гребенщиков Г. Д. Чураевы // Избранные произведения. Иркутск, 1982.
6. Гребенщиков Г. Д. Моя Сибирь. Барнаул: АГУ, 2002.
7. Гребенщиков Г. Д. Былина о Микуле Буяновиче. М., 2002.
8. Гребенщиков Г. Д. Собр. соч.: В 30 т. / Редактор-составитель А. Б. Фирсов. Барнаул: Издание самодеятельного Общества возрождения истории литературы Сибири.
9. Гребенщиков Г. Д. Толкай телегу к звездам!.. // Личный фонд А. Б. Фирсова.
10. Булин А. В Чураевке // Новая заря (г. Сан-Франциско). 1959. 24 октября.
11. Дюбюкляр О. Золотой юбилей Г.Д. Гребенщикова как писателя // Новая заря (г. Сан-Франциско). 1956. ВКОМ.
12. Езерская Б. Деревня Чураевка в штате Коннектикут. США // Вестник. 2002. № 3 (268).
13. Зленко Г. Перед уходом в безвозвратную эмиграцию. Георгий Гребенщиков в Одесской печати 1918–1919 годов // Библиотекарь. 1997. № 11.
14. Коварская В. На берегах Помпепага // Новое русское слово (США). 1963. 21 июля. ГАВКО.
15. Корниенко В. К. Георгий Гребенщиков – первый год жизни в США. Электронная версия. ВКОМ.
16. Корниенко В. К. Георгий Гребенщиков – беженец из Советской России. ВКОМ.
17. Кубанский Ф. Уголок Руси в стране Вашингтона. Новая заря (г. Сан-Франциско). 1956. 22 сентября. ВКОМ.
18. Панкратьева Е. Д. Дневник 1964 г. Рукопись. ГАВКО.
19. Росов В. А. На Гималаи первая весть // Дэльфис. 2002. № 1.
20. Росов В. А. Белый храм на высоких горах. СПб.: Алетейя, 2004.
21. Росов В. А. Сегодня – день Чураевки // Взор (г. Самара). 2001. № 4.
22. Царегородцева С. С. Грани судьбы и творчества Г. Д. Гребенщикова. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004.
23. Черных С. Е. Всё написано крепко: Наши знаменитые земляки // Рудный Алтай (г. Усть-Каменогорск). 1971. 9 декабря.
24. Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков и его народный роман-эпопея «Чураевы». Послесловие к роману-эпопее «Чураевы» / Редактор-составитель А. Б. Фирсов. Барнаул: Издание самодеятельного Общества возрождения истории литературы Сибири, 2005.

